

Родительская позиция по отношению к взрослым детям: разработка и апробация методики

Егоров Р.Н.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6212-9289>, e-mail: roego@yandex.ru

Шаповаленко И.В.

ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет»
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: irin_vlad@mail.ru

Статья посвящена разработке авторской методики для определения родительской позиции по отношению к взрослым детям. Создание опросника явилось одной из основных задач исследования, направленного на выявление и описание различных типов родительской позиции по отношению к взрослым детям. На основном этапе работы были опрошены 167 родителей (матерей и отцов) детей в возрасте от 18 до 30 лет. Проведены статистический анализ методики с применением эксплораторного и конфирматорного факторного анализа, проверка внутренней согласованности шкал, ретестовой надежности и валидности опросника. В результате уточнена структура опросника и сделан вывод о его применимости в исследовательских целях. Установлены основные факторы, определяющие характер взаимоотношений между родителями и взрослыми детьми («принятие» и «контроль»), на основе которых эмпирически выделены 4 типа родительской позиции по отношению к взрослым детям: автономный, отстраненный, контролирующий, сбалансированный.

Ключевые слова: родительская позиция, взрослые дети, принятие, контроль, взаимоотношения в диаде, валидизация методики.

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность сотрудникам кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой Московского государственного психолого-педагогического университета за помощь и участие в проведении данного исследования.

Для цитаты: Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В. Родительская позиция по отношению к взрослым детям: разработка и апробация методики [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2020. Том 12. № 4. С. 66–87. DOI: [10.17759/psyedu.2020120405](https://doi.org/10.17759/psyedu.2020120405)

Parental Position towards Adult Children: Development and Approbation of Method

Roman N. Egorov

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6212-9289>, e-mail: roego@yandex.ru

Irina V. Shapovalenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: irin_vlad@mail.ru

The article is devoted to the development of the author's methodology for determining the parental position in relation to adult children. The creation of the questionnaire was one of the main objectives of the study, aimed at identifying and describing various types of parental position in relation to adult children. At the main stage of the work, 167 parents (mothers and fathers) of children aged 18 to 30 were interviewed. In the course of the study, the statistical analysis of the method using the exploratory and confirmatory factor analysis was carried out, the checking of the internal consistency of the scales, its retest reliability and validation. As a result, the structure of the questionnaire was clarified and a conclusion was drawn on its applicability for research purposes. During the study, the main factors that determine the nature of the relationship between parents and adult children ("adoption" and "control") have been established, on the basis of which 4 types of parental position in relation to adult children have been empirically identified: autonomous, detached, controlling, balanced.

Keywords: parental position, adult children, adoption, control, dyad relationships, method validation.

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude to the staff of the Department of Age psychology named after Professor L.F. Obukhova Moscow State Psychological-Pedagogical University for their help and participation in the conduct of this study.

For citation: Egorov R.N., Shapovalenko I.V. Parental Position towards Adult Children: Development and Approbation of Method. *Psikhologo-pedagogicheskie issledovaniya = Psychological-Educational Studies*, 2020. Vol. 12, no. 4, pp. 66–87. DOI: 10.17759/psyedu.2020120405. (In Russ.)

Введение

В жизни каждого человека особенную роль играют его родители. С самого раннего детства родители стремятся удовлетворить потребности ребенка [5; 15] и воспитать в нем положительные индивидуальные качества.

Для описания детско-родительских отношений (ДРО) в психологии используются понятия «родительское отношение», «родительская позиция», «родительские установки», «стиль семейного воспитания» и другие [10]. Для анализа отношений взрослых детей и их родителей нами выбрано понятие «родительская позиция» как наиболее разработанное в отечественной литературе [3; 4; 6; 7; 12].

На современном этапе исследователи применяют различные методики оценки ДРО. Отечественные авторы предпочитают тест-опросник родительского отношения (ОРО) А.Я. Варга, В.В. Столина, опросник «Анализ семейных взаимоотношений» (АСВ) Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса, опросник «Взаимодействие родителя с ребенком» (ВРР) И.М. Марковской, которые стандартизированы на выборках родителей детей от

младенческого до подросткового возраста [5; 13]. Иностранные исследователи для оценки детско-родительского взаимодействия часто проводят диагностику типа привязанности (parental attachment) или качества отношений (relationship quality) [20; 21].

Значительная часть работ, объектом которых являются детско-родительские отношения, связана с изучением их в период раннего детства, от рождения ребенка до достижения им 3 лет [16; 18; 19]. В этот период происходит становление родительской позиции, что и привлекает внимание психологов [4]. Немало исследований взаимоотношений родителей и детей проведены на выборках детей младшего школьного и подросткового возраста [3; 8; 9; 17], при этом системе «родитель-взрослый ребенок» уделено, на наш взгляд, меньше всего внимания в научной литературе. В период взросления, который сопровождается сепарацией [1; 11; 14], в жизни родителей и детей возникают перемены, которые и привлекли наше внимание как исследователей. В современных отечественных определениях явления психологической сепарации [1; 14] подчеркивается его интра- и интерпсихический характер. В ходе сепарации каждой из сторон взаимодействия достигается чувство независимости друг от друга в различных планах (функциональном, когнитивном и эмоциональном), а также происходит преобразование взаимоотношений. Осуществление положительного сценария трансформации взаимоотношений – в отношении по типу «уважительные» – предполагает независимую позицию родителя по отношению к социальным стереотипам, а также максимальное принятие им автономности ребенка [14].

Психологическое сопровождение семьи на стадии сепарации ребенка требует наличия методического аппарата для определения родительской позиции по отношению к взрослым детям. Опросники, используемые в настоящее время для определения родительской позиции, имеют ограничения по возрасту детей (до подросткового). Как следствие, было решено создать опросник для определения родительской позиции, чтобы он отвечал требованиям компактности и содержательности.

Создание опросника составило часть эмпирического исследования, которое имело целью выявление и описание различных типов родительской позиции по отношению к взрослым детям.

Факторы, определяющие родительскую позицию

Теоретический анализ понятия «родительская позиция» позволил выделить в его структуре три основных компонента: эмоциональный, когнитивный, поведенческий [3; 7; 8]. Эмоциональный компонент определяется совокупностью родительских чувств по отношению к ребенку; когнитивный компонент включает в себя совокупность установок родителя по отношению к ребенку, к воспитательной практике и образ ребенка; поведенческий компонент подразумевает определенные варианты поведения родителя по отношению к ребенку, конкретные воспитательные приемы. В качестве самостоятельной структурной единицы родительской позиции может быть выделен мотивационный компонент, который включает в себя силу и характер побудительных мотивов родительства.

Характер взаимоотношений родителей и детей, в том числе взрослых, определяется рядом внутренних и внешних факторов. Среди внешних факторов выделяются возраст, пол, структура семьи, принадлежность к определенной расе и социальному классу [20]. Среди внутренних факторов, определяющих позицию родителя по отношению к ребенку, выделяются такие параметры, как «принятие» (любовь, поддержка) и «контроль» (опека) (D.

Baumrind, E. Maccoby).

Процесс соотнесения теоретической и эмпирической модели родительской позиции проходил на стадии подготовки эмпирического исследования [2]. 30 студентам-очного отделения (в возрасте 20-22 лет)¹ было предложено выделить как можно больше аспектов взаимоотношений родителей и взрослых детей. Тезисы были сгруппированы тематически, по принадлежности к различным сторонам взаимодействия родителей и что в итоге позволило сформировать первичную структуру опросника, состоящую из 50 утверждений, отнесенных к 4 компонентам родительской позиции и оформленных в 7 шкал следующим образом:

- принятие – отвержение (эмоциональный компонент),
- эмоциональная дистанция – близость (эмоциональный компонент),
- автономность – контроль (поведенческий компонент),
- требовательность – нетребовательность (поведенческий компонент),
- удовлетворенность – неудовлетворенность отношениями (когнитивный компонент),
- согласие – несогласие (когнитивный компонент),
- стремление – избегание (мотивационный компонент).

Приведем примеры утверждений опросника для определения родительской позиции по отношению к взрослым детям (далее – опросника РПВД), к которым респондентам необходимо было отнестись:

1. *Мне регулярно кажется, что с моим ребенком что-то не в порядке.*
2. *Мой ребенок – личность, ответственная за свои поступки.*
3. *У меня доверительные отношения с ребенком.*

Результаты пилотажного исследования

В ходе пилотажного исследования были опрошены 60 диад «мать-взрослый ребенок». Возраст взрослых детей находился в интервале от 20 до 30 лет ($M=24,1$; $\sigma=4,83$), а возраст матерей – от 40 до 60 лет ($M=51,3$; $\sigma=5,80$). Дополнительно был учтен параметр совместного или раздельного проживания с родителями: по 30 пар в каждой подгруппе.

Вычисление коэффициента α -Кронбаха в целом по опроснику ($0,423 < 0,7$) указало на необходимость уточнения структуры опросника.

По результатам факторного анализа было выделено 4 независимых шкалы: «Принятие-отвержение», «Контроль-автономность», «Эмоциональная дистанция-близость» и «Вовлеченность-независимость» [2], которые содержали в себе 43 утверждения. Высокие значения коэффициента α -Кронбаха для каждой из шкал ($0,748$; $0,720$; $0,732$ и $0,776$) и опросника в целом ($0,711$) позволили сделать вывод о достаточной внутренней согласованности опросника.

Анализ описательной статистики шкал опросника РПВД показал, что для дальнейших расчетов распределение значений по шкалам опросника не является нормальным (на основе критерия Колмогорова-Смирнова).

Корреляционный анализ шкал опросника показал наличие прямой связи между всеми 4 шкалами ($0,247 < r < 0,699$). Самая сильная связь была обнаружена между шкалой «Принятие-отвержение» и остальными шкалами ($0,527 < r < 0,699$), что могло говорить о факторе «Принятие-отвержение» как о структурообразующем факторе для родительской

¹ В данном случае мы апеллировали к актуальному опыту студентов как «взрослых детей».

позиции по отношению к взрослым детям, что косвенно подтвердилось при анализе факторов 2 порядка.

Проверка внешней валидности опросника РПВД с привлечением методик «Анализ семейного воспитания» Э.Г. Эйдемиллера, В. Юстицкиса и «Представление об идеальном родителе» Р.В. Овчаровой, Ю.А. Дегтяревой показала наличие ряда корреляций между шкалами проверочных методик и опросника РПВД: между шкалами «Автономность-контроль» (РПВД) и «Гиперпротекция» (АСВ) ($r=-0,278$; $p=0,033$); между шкалами «Автономность-контроль» (РПВД) и «Недостаточность требований-обязанностей» (АСВ) ($r=-0,287$; $p=0,027$); между шкалами «Принятие-отвержение» (РПВД) и «Эмоциональный компонент» (Представление об идеальном родителе) ($r=0,355$; $p=0,006$); между шкалами «Эмоциональная дистанция-близость» (РПВД) и «Эмоциональный компонент» (Представление об идеальном родителе) ($r=0,312$; $p=0,016$).

Определение устойчивости методики проводилось путем разделения общей выборки по фактору совместного или раздельного проживания родителей и детей и сравнения результатов, полученных по шкалам опросника для полученных выборок. В результате было получено значение коэффициента Манна-Уитни $U=0,347$ по шкале «Автономность-контроль». Контролирующее поведение родителей по отношению к взрослым детям, проживающим отдельно от них, оказалось выражено меньше, чем для выборки совместно проживающих детей, что согласовывается с результатами, полученными в ходе анализа результатов опросника АСВ для тех же выборок ($U=0,022$ по шкале «Чрезмерность требований-запретов»).

С учетом ограниченности выборки и результатов, указывающих на необходимость дальнейшего уточнения структуры опросника (корреляционный анализ), было решено провести статистическую проверку полученной методики (43 утверждения, 4 шкалы) на бóльшей выборке с привлечением конфирматорного факторного анализа, а также провести ее испытание на ретестовую надежность, что и было реализовано в ходе основного исследования.

Методика и ее психометрические характеристики

На начальном этапе основного исследования проводилась проверка шкал, полученных на предыдущем этапе, на нормальность распределения с вычислением критерия λ Колмогорова-Смирнова (табл. 1).

Таблица 1

Описательная статистика шкал опросника РПВД

Шкала	N (чел.)	Среднее значение M	Стандартные отклонения σ	Асимметрия $A \pm \sigma_A$	Экссесс $E \pm \sigma_E$	Критери й λ	Знач-ть кр-я (асимп.)
1	2	3	4	5	6	7	8
Принятие- отвержение	167	21,44	6,59	1,408 \pm 0,188	3,917 \pm 0,374	0,119	0,000
Автономность- контроль		22,55	5,91	0,138 \pm 0,188	-0,853 \pm 0,374	0,092	0,024
Эм. дистанция- близость		26,61	6,51	-0,733 \pm 0,188	0,556 \pm 0,374	0,114	0,000
Вовлеченность-		22,89	3,21	0,245 \pm 0,188	-0,276 \pm 0,374	0,114	0,000

независимость							
---------------	--	--	--	--	--	--	--

Согласно полученным значениям критерия Колмогорова-Смирнова, все шкалы продемонстрировали распределение значений, отличное от нормального. С целью определения связей между шкалами опросника РПВД был проведен корреляционный анализ с вычислением коэффициентов корреляции Спирмена (табл. 2).

Таблица 2

Корреляционный анализ шкал опросника РПВД (коэффициент Спирмена/значимость)

Шкала	Принятие-отвержение	Автономность-контроль	Эм. дистанция-близость	Вовлеченность-независимость
Принятие-отвержение	-			
Автономность-контроль	0,647/0,000*	-		
Эм. дистанция-близость	0,229/0,003*	0,506/0,000*	-	
Вовлеченность-независимость	0,262/0,001*	0,104/0,182	0,176/0,023	-

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,01$.

Шкала «Принятие-отвержение» оказалась положительно связана со всеми шкалами: «Автономность-контроль» ($r=0,647$), «Дистанция-близость» ($r=0,229$), «Вовлеченность-независимость» ($r=0,262$). Шкалы «Дистанция-близость» и «Автономность-контроль» связаны между собой с умеренной силой ($r=0,506$).

Данные корреляционного анализа позволили заключить, что системообразующий фактор родительской позиции – принятие (шкала «Принятие-отвержение»), в то время как шкала «Вовлеченность-независимость» имела наименьший вклад в определение типа родительской позиции. Эти данные соответствуют результатам факторного анализа, проведенного на этапе пилотажного исследования. Также полученные данные показали необходимость уточнения структуры опросника по сравнению с результатами, полученными на этапе пилотажного исследования.

Значение коэффициента Альфа Кронбаха в целом по опроснику было получено на границе применимости ($\alpha=0,701$). Для повышения согласованности опросника были рассчитаны коэффициенты Альфа Кронбаха при удалении каждого пункта опросника (табл. 3).

Таблица 3

Коэффициенты Альфа Кронбаха при исключении утверждения опросника РПВД

Номер вопроса	Альфа Кронбаха при исключении вопроса	Номер вопроса	Альфа Кронбаха при исключении вопроса
1	2	3	4
1	0,686	23	0,689
2	0,717*	24	0,686
3	0,675	25	0,693
4	0,692	26	0,707
5	0,678	27	0,721*

6	0,671	28	0,682
7	0,683	29	0,706
8	0,701	30	0,726*
9	0,705	31	0,696
10	0,727*	32	0,719*
11	0,712*	33	0,673
12	0,682	34	0,672
13	0,713*	35	0,694
14	0,701	36	0,674
15	0,699	37	0,713*
16	0,695	38	0,692
17	0,689	39	0,679
18	0,684	40	0,679
19	0,678	41	0,699
20	0,713*	42	0,690
21	0,728*	43	0,707
22	0,672		

Примечание. * – пункты, подлежащие удалению.

Исключение утверждений №№ 2, 10, 11, 13, 20, 21, 27, 30, 32, 37 привело к увеличению значения коэффициента Альфа Кронбаха. Среди исключенных утверждений можно выделить такие утверждения, как:

- ✓ Мой ребенок – личность, ответственная за свои поступки.
- ✓ Я никогда не требую от ребенка поступать определенным образом.
- ✓ Мне не обязательно быть образцовым родителем, для воспитания своего ребенка вполне достаточно примера собственной семьи.
- ✓ Отдать все своему ребенку – значит остаться без собственной жизни.

Исключение ряда утверждений, возможно, снизило эффект социальной желательности при работе респондентов с опросником.

Вычисление коэффициента внутренней согласованности для опросника с оставшимися 33 утверждениями показало значение, достаточное для дальнейшего анализа ($\alpha=0,854$).

Определение структуры опросника РПВД с помощью факторного анализа

Для выделения факторов (шкал), определяющих массив ответов испытуемых, применялся эксплораторный факторный анализ с использованием метода главных компонент с последующим вращением Варимакс.

Рис. 1. График осыпи для факторного анализа опросника РПВД

Из графика осыпи (рис. 1) следует, что наиболее устойчивыми решениями для факторной структуры опросника являются модели с количеством факторов: 3, 4, 7, 8. Согласно критерию Кайзера и правилу объясненной совокупной дисперсии, наиболее подходящей являлась модель с 11 факторами. Учитывая исходные условия задачи, для сравнения были выбраны модели с 2, 3 и 4 факторами.

На следующем этапе анализировались повернутые матрицы компонентов для двух-, трех- и четырехфакторной моделей, были удалены пункты, показавшие низкие ($r < 0,5$) или схожие значения вклада в различные факторы. Для каждой из моделей были рассчитаны исходные параметры адекватности (критерий КМО, χ -квадрат, значение F). Результаты эксплораторного анализа приведены в табл. 4.

Таблица 4
Параметры адекватности моделей структуры опросника РПВД
с числом факторов $n=2, 3, 4$

Модель (n – число факторов)	Число утверждений	Процент объясненной дисперсии	Критерий КМО	Критерий χ -квадрат	Число степеней свободы F
1	2	3	4	5	6
n=2	17	52,70	0,722	1605	136
n=3	19	53,25	0,725	1587	171
n=4	22	57,60	0,737	1895	231

Из полученных данных следует, что увеличение числа факторов модели позволяет объяснить большую долю имеющихся значений массива данных, однако при этом ощутимо снижается устойчивость самой модели.

Полученные в ходе эксплораторного анализа факторы получили рабочие названия, аналогичные названиям шкал варианта опросника на этапе пилотажного исследования, но более короткие: «Принятие», «Контроль», «Близость», «Вовлеченность». Примеры утверждений, отнесенных к различным факторам:

«Принятие»:

Мне регулярно кажется, что с моим ребенком что-то не в порядке.

После общения с моим ребенком чувствую себя морально опустошенным...

«Контроль»:

Я жду от своего ребенка, что он будет помогать старшим членам семьи и заботиться о них.

Считаю, что как родитель я должен все знать о моем ребенке...

«Близость»:

После ссоры с ребенком обычно каждый остается при своем мнении.

Я вложил в своего ребенка всю душу, а из него ничего толкового не получится...

«Вовлеченность»:

Быть родителем – значит постоянно самосовершенствоваться...

На следующем этапе для проверки адекватности все имеющиеся модели подвергались конфирматорному факторному анализу. В ходе анализа проводилась оптимизация каждой модели с вычислением выходных параметров (критерии $SB\chi^2$, df, CFI и RMSEA), в рамках которой пункты, снижавшие устойчивость модели, удалялись (табл. 5).

Четырехфакторная модель в ходе оптимизации была отвергнута по причине того, что некоторые вычисленные дисперсии были равны нулю или отрицательны. Примечательно, что фактором, «ответственным» за невозможность построения модели, выступил Фактор № 4, который на этапе эксплораторного анализа получил рабочее название «Вовлеченность» и содержал аналогичные пункты утверждений.

Таблица 5

**Параметры адекватности моделей структуры опросника РПВД
с числом факторов n=2, 3 (результаты конфирматорного анализа)**

Модель (n – число факторов)	Число утверждений	Критерий $SB\chi^2$	Число степеней свободы df	Критерий CFI	Критерий RMSEA
n=2	14	277,98	69	0,833	0,135
n=3	14	281,27	67	0,817	0,139

В ходе конфирматорного анализа рассчитывались значения факторных весов утверждений по шкалам (факторам), а также значения корреляций между самими факторами (рис. 2 и 3).

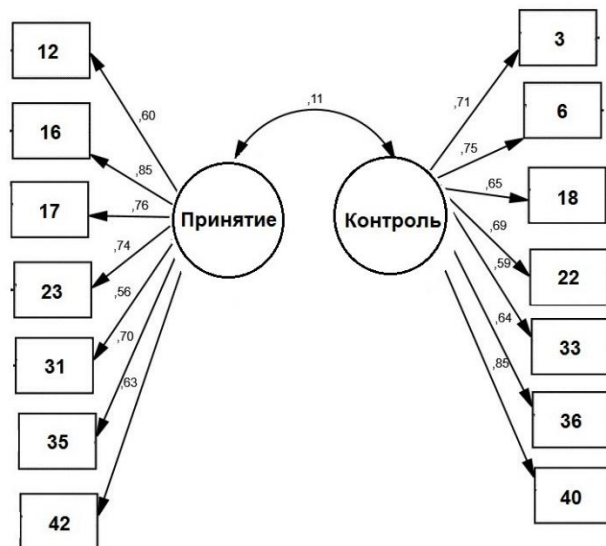

Рис. 2. Схематическое изображение двухфакторной модели структуры опросника РПВД

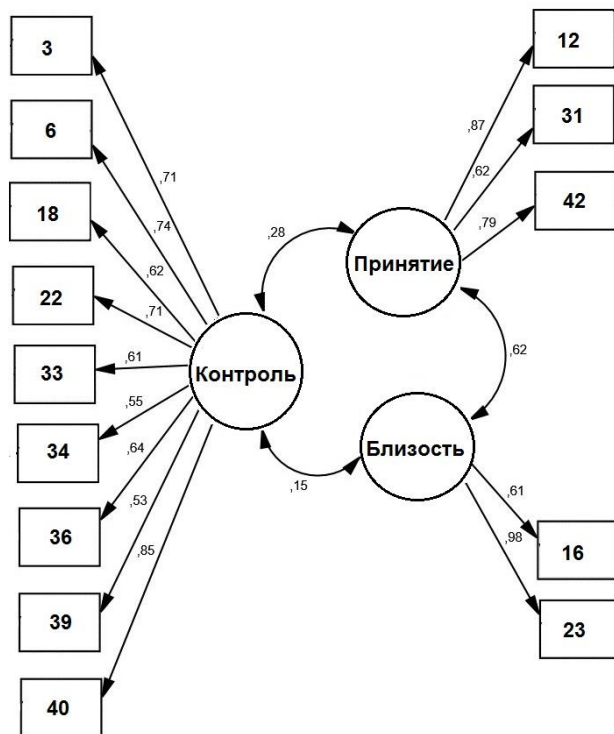

Рис. 3. Схематическое изображение трехфакторной модели структуры опросника РПВД.

Также для двух- и трехфакторной моделей вычислялся коэффициент α -Кронбаха для оценки внутренней согласованности структуры полученных моделей (табл. 6).

Таблица 6

Анализ внутренней согласованности шкал опросника РПВД

Шкала	Альфа Кронбаха (n – число факторов)	
	n=2	n=3
Принятие	0,842	0,788
Контроль	0,871	0,874
Близость	-	0,698

Между шкалами «Контроль» и «Принятие» в двухфакторной модели имеется корреляция слабой силы ($r=0,11$). В свою очередь, в трехфакторной модели между показателями шкал «Принятие» и «Близость» обнаружена сильная корреляция ($r=0,62$), а это может означать, что при дальнейшем анализе трехфакторная модель полученного опросника будет сложно интерпретируема.

На основании анализа выходных параметров полученных двух- и трехфакторной моделей (CFI, RMSEA), показателей внутренней согласованности (α -Кронбаха для шкал) и коэффициентов интершкальной корреляции был сделан вывод о том, что двухфакторная модель лучше описывает имеющийся массив ответов испытуемых, позволяя выделять 4 типа родительской позиции по отношению к взрослым детям: автономный, отстраненный, контролирующий, сбалансированный.

Валидизация опросника РПВД

Содержательная валидность проверялась собранием пяти экспертов в области психологии развития, имеющих степень кандидата психологических наук. Согласно мнению экспертов, содержание утверждений, входящих в шкалы опросника РПВД, соответствует психологической реальности, отраженной в названиях шкал «Принятие» и «Контроль».

Для полученной модели опросника была проведена проверка шкал на нормальность распределения с вычислением критерия Колмогорова-Смирнова (табл. 7).

Таблица 7

Описательная статистика шкал опросника РПВД

Шкала	N (чел.)	Среднее значение М	Стандартное отклонение σ	Асимметрия $A \pm \sigma_A$	Экссесс $E \pm \sigma_E$	Критерий λ	Знач-ть кр-я (асимп.)
Принятие	167	10,41	4,35	1,980 \pm 0,188	4,912 \pm 0,374	0,217	0,000
Контроль		21,62	6,82	-0,231 \pm 0,188	-0,443 \pm 0,374	0,093	0,001

Согласно полученным значениям, шкалы демонстрировали распределение значений, отличное от нормального.

В проверке тест-ретестовой надежности опросника РПВД приняли участие 57 человек из первоначальной выборки. Повторное исследование проводилось через 3-4 недели после

первоначального. Проверка надежности проводилась с вычислением критерия знаковых ранговых сумм Уилкоксона (табл. 8).

Таблица 8

Тест рангов Уилкоксона для шкал опросника РПВД

Шкала	Принятие							
	№ утв.	12	16	17	23	31	35	42
Парам. Z	-0,862	-1,633	-1,730	-1,461	-1,807	-1,300	-1,186	-1,725
Знач. р	0,389	0,102	0,084	0,144	0,071	0,194	0,236	0,084
Шкала	Контроль							
	№ утв.	3	6	18	22	33	36	40
Парам. Z	-1,841	-0,828	-0,933	-1,186	-1,732	-0,086	-1,265	-0,768
Знач. р	0,066	0,408	0,351	0,236	0,083	0,931	0,206	0,443

На основании полученных данных сделан вывод о том, что достоверных различий (уровень значимости $p=0,01$) между измерениями не наблюдается, то есть шкалы опросника показывают высокую ретестовую надежность.

Для проверки внешней валидности были рассчитаны корреляции шкал опросника РПВД со шкалами методики «Анализ семейного воспитания» с использованием коэффициента Спирмена. Полученные результаты приведены в табл. 9.

Таблица 9

Коэффициенты корреляции Спирмена шкал опросника РПВД со шкалами опросника «Анализ семейного воспитания»

Шкалы	Принятие	Контроль
Гиперпротекция	0,288*	0,671*
Гипопротекция	0,347*	-0,046
Потворствование	0,357*	0,379*
Игнорирование потребностей ребенка	0,531*	0,088
Чрезмерность требований-обязанностей	-0,045	0,253*
Недостаточность требований-обязанностей	0,457*	0,071
Чрезмерность требований-запретов	0,485*	0,352*
Недостаточность требований-запретов	0,058	-0,380*
Чрезмерность санкций	0,321*	0,468*
Минимальность санкций	-0,083	-0,038
Неустойчивость стиля воспитания	0,383*	0,210*
Расширение сферы родительских чувств	0,367*	0,548*

Предпочтение детских качеств	0,526*	0,293*
Воспитательная неуверенность родителя	0,360*	0,314*
Фобия утраты ребенка	0,218*	0,271*
Неразвитость родительских чувств	0,507*	0,193
Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств	0,536*	0,116
Вынесение конфликта между супругами в сферу воспитания	0,318*	0,263*
Предпочтения мужских качеств	0,386*	0,315*
Предпочтения женских качеств	0,173	0,357*

Примечание. * – корреляции значимы на уровне $p < 0,001$.

Проверочная методика «Анализ семейного воспитания» (авторы Э.Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис) направлена на выявление параметров стиля семейного воспитания в семьях с детьми подросткового возраста. Адаптация содержания опросника для выборки родителей взрослых детей выражалась преимущественно в «косметическом» изменении некоторых утверждений. Выражения типа «моего ребенка очень трудно заставить сделать...» заменялись на аналогичные, звучащие менее инфантильно – «моего сына (дочь) очень трудно заставить что-нибудь сделать...». Единичные утверждения, которые явно подразумевали отношение к маленьким детям (типа «мой ребенок сам решает, сколько, чего и когда ему есть», «старюсь как можно раньше приучить ребенка помогать по дому»), были скорректированы содержательно (например, «мой сын (дочь) сам(а) решает, курить ему (ей) или нет», «мой сын (дочь) много помогает мне (дома, на работе)»).

В результате анализа внешней валидности опросника РПВД был получен широкий набор корреляций между проверяемыми и проверочными шкалами. Увеличение отвержения (снижение принятия) положительно связано с силой выраженности гипер- и гипопротекции, потворствования желанием ребенка, игнорирования его потребностей, недостаточности требований-обязанностей, чрезмерности требований-запретов и санкций, неустойчивости стиля воспитания, воспитательной неуверенности родителя, неразвитости родительских чувств, фобии утраты ребенка, расширения сферы родительских чувств, предпочтения в ребенке детских и мужских качеств и вынесения супружеского конфликта в сферу воспитания. Самая сильная связь для шкалы «Принятие» зафиксирована со шкалой «Проекция на ребенка собственных нежелательных качеств» ($r=0,531$).

Увеличение контроля за ребенком положительно связано с повышением выраженности гиперпротекции, потворствования желанием ребенка, чрезмерности требований и санкций, неустойчивости стиля воспитания, воспитательной неуверенности родителя, фобии утраты ребенка, расширения сферы родительских чувств, предпочтения в ребенке детских, мужских и женских качеств и вынесения супружеского конфликта в сферу воспитания, а отрицательно – с недостаточностью требований-запретов по отношению к ребенку. Для шкалы «Контроль» самая сильная связь отмечена со шкалой «Гиперпротекция» ($r=0,671$).

Количество полученных связей подтверждает решающее значение полученных факторов («Принятие» и «Контроль») для описания характера семейного воспитания и родительской позиции в отношении взрослых детей и, как следствие, высоко характеризует внешнюю валидность опросника РПВД.

Для оценки устойчивости методики было решено сравнить по значениям шкал опросника выборки родителей, разделенных по критерию возраста детей. В первую часть выборки вошли родители молодых взрослых (условно «родители студентов»); средний возраст детей – 21,5 года (N=68; $\sigma=1,43$). Вторую часть выборки составили родители молодых людей, закончивших обучение в вузе (условно «родители специалистов»); для этой части выборки средний возраст детей – 28,1 года (N=99; $\sigma=3,09$). В результате с использованием критерия Манна-Уитни для двух независимых выборок были получены следующие значения (табл. 10).

Таблица 10

**Сравнительный анализ ответов по шкалам опросника РПВД
родителей взрослых детей, разделенных по возрасту детей**

Шкала	Значение средних рангов для выборки		Критерий Манна-Уитни
	«Родители студентов»	«Родители специалистов»	
Принятие	90,41	79,60	0,145
Контроль	95,30	76,24	0,012*

Примечание. * – значимо на уровне $p < 0,05$.

Статистический анализ выявил значимое различие для выборок родителей, разделенных по критерию возраста ребенка, по шкале «Контроль» на уровне значимости $p < 0,05$. Родители более молодых людей (средний возраст 21,5 год) демонстрируют значимо более выраженное контролирующее поведение по отношению к детям, чем родители более старших детей (средний возраст 28 лет). Стоит заметить, что на уровне тенденции родители детей периода конца ранней взрослости проявляют по отношению к своим детям более высокое принятие, чем родители более молодых людей.

С помощью полученных данных показана важность фактора возраста ребенка для взаимоотношений «родитель-взрослый ребенок» и подтверждена устойчивость методики. Полученные результаты подтверждают важность родительского контроля как системообразующего фактора взаимоотношений родителей и детей в процессе семейной сепарации [14].

Обсуждение результатов

Полученная в ходе теоретического обобщения данных научной литературы модель структуры родительской позиции была использована в качестве исходной для разработки диагностического инструмента для определения родительской позиции. На стадии подготовки исследования были выделены некоторые стороны взаимодействия родителей и взрослых детей, отнесены к различным компонентам родительской позиции, что позволило сформировать первичную структуру опросника из 50 утверждений и 7 шкал.

В ходе пилотажного исследования, которое включало в себя статистический анализ опросника, число шкал сократилось до 4, а утверждений – до 43. Некоторые высказывания опросника были исключены ввиду их низкой факторной нагрузки в целом (например, «У меня доверительные отношения с сыном/дочерью», «Мне приятно находиться в обществе моего сына/моей дочери») либо их равномерной нагрузки на несколько факторов (утверждение «Мне часто приходится заставлять сына/дочь делать то, чего он/она не

хочет делать» вносит сравнимый вклад в факторы «Принятие-отвержение», «Автономность-контроль», «Дистанция-близость»). Очевидно, в данном случае имеет место некоторое «наслоение» психологической реальности, которую измеряет каждая из полученных в ходе факторного анализа шкал. Это предположение подтвердилось в ходе корреляционного анализа (табл. 2), с помощью которого также был выделен основной фактор в определении родительской позиции – «Принятие».

Эксплораторный факторный анализ, проведенный в ходе основного исследования, позволил, на наш взгляд, снизить эффект социальной желательности в ответах респондентов. Исключение таких утверждений, как «Я никогда не требую от ребенка поступать определенным образом», «Отдать все своему ребенку – значит остаться без собственной жизни», сопровождалось увеличением показателей внутренней согласованности шкал опросника.

Согласно корреляционному анализу, фактор «Вовлеченность» демонстрировал низкие значения коэффициента корреляции с другими шкалами. Таким образом, фактор «Вовлеченность» проявил себя самым неустойчивым, и на стадии конфирматорного анализа 4-факторная модель родительской позиции оказалась неприменимой. В ходе статистической проверки было показано, что двухфакторная модель, содержащая по 7 утверждений, максимально точно описывает систему данных, полученных с помощью авторского опросника.

Исходя из общего содержания шкал, они получили достаточно простые и краткие рабочие названия – «Принятие» и «Контроль». Однако анализ содержания полученных шкал показывает его «многоаспектность», возможность соотнесения с несколькими компонентами теоретической модели родительской позиции одновременно (так, шкала «Принятие» включает утверждения, имеющие отношение к образу ребенка (когнитивный компонент теоретической модели), к воспитательным приемам и установкам родителя (поведенческий компонент), шкала «Контроль» содержит утверждения, относящиеся к мотивационным установкам родителя).

Выводы

1. Опросник для определения типа родительской позиции по отношению к взрослым детям (опросник РПВД) был разработан на основании теоретической модели о структурном единстве 4 компонентов родительской позиции: эмоциональном, когнитивном, поведенческом и мотивационном. Первоначальный вариант опросника содержал 50 утверждений и 7 шкал, относящихся к 4 компонентам родительской позиции.

2. В ходе процедуры факторного анализа на стадии пилотажного, а затем основного исследования первоначальная структура опросника РПВД была уточнена, количество вопросов сокращено, и итоговая версия методики содержит 14 утверждений: по 7 – в шкалах «Принятие» и «Контроль». В результате были получены высокие значения согласованности опросника по каждой шкале ($\alpha > 0,75$). Проверка ретестовой надежности показала отсутствие различий между испытаниями на уровне значимости ($p = 0,01$). В ходе проверки внешней валидности была получена плеяда корреляций шкал опросника РПВД со шкалами опросника АСВ ($p < 0,001$).

3. При проверке опросника РПВД на устойчивость общая выборка родителей была разделена по возрасту взрослых детей на подгруппы, условно названные «родители студентов» ($M = 21,47$; $\sigma = 1,43$) и «родители специалистов» ($M = 28,13$; $\sigma = 3,09$). «Родители

студентов» продемонстрировали более выраженное контролирующее поведение по отношению к детям по сравнению с родителями детей более старшего возраста (на уровне значимости $p < 0,05$).

4. В ходе уточнения структуры опросника РПВД был сделан вывод, что для определения типа родительской позиции и характера взаимоотношений родителя и взрослого ребенка необходимо определить уровень эмоционального принятия взрослого ребенка (шкала «Принятие») и уровень контролирующих действий по отношению к нему (шкала «Контроль»). Эмпирически выделены 4 типа родительской позиции по отношению к взрослым детям: автономный, отстраненный, контролирующий и сбалансированный; получены тестовые нормы для их определения.

5. Анализ содержания 14 утверждений, в итоге составивших шкалы «Принятие» и «Контроль», позволил подтвердить наличие всех компонентов родительской позиции, составляющих теоретическую модель (эмоционального, когнитивного, поведенческого и мотивационного). Таким образом, в ходе математического уточнения структурной модели опросника и анализа ее содержания было показано единство структурных компонентов родительской позиции и установлено соответствие утверждений опросника содержанию отношений родителей и взрослых детей.

6. На основе результатов статистического анализа опросника РПВД и его валидации сделан вывод о его применимости в исследовательских целях. По своим параметрам опросник РПВД отвечает изначально обозначенным требованиям компактности и содержательности.

Опросник «Родительская позиция по отношению к взрослым детям»

Финальная версия опросника имеет следующую структуру:

1. Конфликты с сыном/дочерью – основная причина моего стресса.
2. Я жду от своего сына (своей дочери), что он (она) будет помогать старшим членам семьи и заботиться о них.
3. Я вложил в сына (дочь) всю душу, а из него (нее) ничего толкового не получится.
4. Считаю, что я как родитель должен все знать о сыне (дочери).
5. Без контроля мой ребенок, скорее всего, оступится в жизни.
6. Ребенок – забота для родителя на всю оставшуюся жизнь.
7. Когда я думаю о поведении своего ребенка, мне стыдно.
8. Правильно воспитать сына (дочь) – одна из самых главных целей в моей жизни.
9. После общения с сыном (дочерью) чувствую себя морально опустошенным.
10. Я всегда хотел стать хорошим родителем, ведь дети – это мое продолжение.
11. Даже в нетрудной жизненной ситуации сын (дочь) обычно не может решить проблему самостоятельно.
12. Только когда сын (дочь) мне регулярно звонит, я не волнуюсь.
13. Я обеспокоен отношениями со своим ребенком.
14. Мне необходимо знать об отношениях сына (дочери) с его девушкой или женой (парнем или мужем).

Шкала «Принятие» содержит утверждения: 1, 3, 5, 7, 9, 11, 13.

Шкала была названа «Принятие», но при этом содержит в себе утверждения, раскрывающие поведенческие (воспитательные приемы) и когнитивные (образ ребенка, установки) компоненты родительской позиции.

В случае высоких значений, полученных по шкале, родитель стыдится и избегает своего ребенка, отношения с ребенком приводят к беспокойству и даже к конфликтам, ребенок воспринимается слабым и беспомощным.

Низкие значения, полученные по этой шкале, соответствуют принятию ребенка родителем, признанию его (ребенка) автономии, преобладанию позитивных установок на взаимодействие с ним и положительного образа ребенка.

Шкала «Контроль» содержит утверждения: 2, 4, 6, 8, 10, 12, 14.

Шкала была названа «Контроль» и ее основу составляет поведенческий аспект (контроль, обязанности ребенка, осведомленность родителя). Также в утверждениях присутствует и мотивационный компонент (мотивационные установки родителя).

Высокие значения по этой шкале свидетельствуют об установках родителя на высокую степень контроля за ребенком; по мнению родителей, получивших высокий балл по этой шкале, ребенок остается ребенком в любом возрасте, и отношения с ребенком не будут гармоничными без контроля со стороны родителя. Ребенок составляет главный фокус внимания родителя вне зависимости от возраста ребенка.

Низкие значения по этой шкале говорят об установках родителя на независимость ребенка; родитель отдает себе отчет в том, что его ребенок уже самостоятельный взрослый человек и не нуждается в помощи родителей.

Ответ на вопрос предполагает различную степень согласия с приведенным утверждением и оценивается по шкале от «1», то есть «нет» (абсолютное несогласие) до «5», то есть «да» (полное согласие). Оценки по каждой шкале суммируются и сравниваются с тестовыми нормами для отнесения к определенному типу родительской позиции (табл. 11).

Родители, отнесенные к **отстраненному** типу родительской позиции, проявляют по отношению к ребенку низкие значения эмоционального принятия и уровня контролирующего поведения. Родитель не стремится к общению с ребенком, избегает его.

Родители, проявляющие по отношению к ребенку **контролирующий** тип позиции, могут показывать различную степень эмоционального принятия ребенка, но уровень контроля при этом – экстремально высок. Позиция родителя в этом случае – это типичная позиция «сверху» по отношению к собственному ребенку.

Родители, сочетающие в своей позиции по отношению к взрослому ребенку высокие значения принятия ребенка и экстремально низкие значения контроля его поведения, были отнесены к **автономному** типу родительской позиции.

Тип позиции, который не предполагает экстремальных значений принятия или контроля ребенка со стороны родителя, был назван **сбалансированным** и рассматривается как наиболее адекватный стадии сепарации в развитии детско-родительских отношений.

Таблица 11

**Тестовые нормы для определения типов родительской позиции с помощью
опросника РПВД (N=167)**

Шкалы опросника РПВД	Интервалы значений для типов родительской позиции			
	Автономный	Отстраненный	Контролирующий	Сбалансированный
Принятие	7-9	25-35	7-17	7-22
Контроль	7-17	7-17	27-35	18-26

Тестовые нормы для определения типов родительской позиции были определены на основании результатов кластерного анализа. Интервал значений для выявления отстраненного типа родительской позиции ввиду низкого значения числа респондентов (N=3) был рассчитан дополнительно на основании значений координат центра кластера и среднего значения расстояния от наблюдения до центра кластера для 4-кластерной модели.

Перспективы дальнейшего изучения

Взаимоотношения родителей и взрослых детей представляют собой многогранную психологическую реальность, которая нуждается в дальнейшем изучении. Работа над авторским опросником РПВД может быть продолжена в направлении определения тестовых норм на основе методов стандартизации. В этом случае увеличение количества испытуемых также позволит сравнить частные выборки, разделенные по возрасту родителя. В качестве направлений для дальнейшего изучения могут быть рассмотрены: возможная связь между параметрами взаимоотношений родителей и детей (родительская позиция, родительское отношение) и другими межличностными отношениями родителей и детей (трудовые, приятельские), трансформация родительской позиции на протяжении всей жизни человека, влияние актуальных современных факторов (информационные технологии, пандемии) на взаимоотношения родителей и детей и т.д.

Литература

1. Дитюк А.А. Влияние психологической сепарации на социальную адаптацию личности: дисс... канд. психол. наук. СПб., 2018. 172 с.
2. Егоров Р.Н. Диагностика родительской позиции по отношению к взрослым детям: разработка опросника // Практическая студенческая конференция «Школа ответственного родительства» (г. Москва, 04 апреля 2017 г.) М.: МПУ, 2017. С. 66–70.
3. Жигалин С.С. Формирование адекватных родительских позиций как способ коррекции воспитательной практики семьи подростка: дисс. ... канд. психол. наук. Курган, 2004. 233 с.
4. Захарова Е.И. Развитие личности в ходе освоения родительской позиции // Культурно-историческая психология. 2008. № 2. С. 24–29.
5. Иванова Е.Е., Сторожева Ю.А. Феномен отчужденности в детско-родительских отношениях // Вестник ГУУ. 2019. № 9. С. 190–195.

6. Калинина Р.Р., Санева Р.И. Диагностика родительской позиции // Сборник научных статей преподавателей Псковского Вольного института / Ред. Барилова Е.Э. [и др.]. Псков, 2004. С. 54–60.
7. Карabanова О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования. М.: Гардарики, 2005. 320 с.
8. Карabanова О.А. Детско-родительские отношения как фактор профессионального самоопределения личности в подростковом и юношеском возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2016. № 3. С. 54–62.
9. Крапивина Е.А., Далгатова М.М. Детско-родительские отношения как фактор психологического здоровья в подростковом возрасте // Сборник статей по материалам XXIV международной научно-практической конференции «Научный форум: Педагогика и психология» (г. Москва, 03-13 декабря 2018 г.). М.: ООО «Международный центр науки и образования», 2018. С. 53–60.
10. К проблеме дифференциации основных понятий в системе отношений «Родитель-ребенок»: теоретический и эмпирический аспекты / Головей Л.А. [и др.] // Вестник СПбГУ. Серия 12. Социология. 2014. № 2. С. 84–94.
11. Маленова А.Ю., Потапова Ю.В. Зрелость личности и ее критерии как предикторы изучения ситуации сепарации // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2015. № 2. С. 21–29.
12. Овчарова Р.В. Родительство как психологический феномен: учебное пособие. М.: Московский психолого-социальный институт, 2006. 496 с.
13. Рябикина З.И., Хозяинова П.М. Семейные ценности женщины-матери, воспитывающей ребенка в неполной семье [Электронный ресурс] // Вестник МГОУ. 2018. № 2. С. 291–303. DOI:10.18384/2224-0209-2018-2-886
14. Сытько Т.И. Структура и типы родительно-детских отношений в процессе семейной сепарации: дисс. ... канд. психол. наук. М., 2014. 213 с.
15. Тачкова М.Б. Роль семьи в жизни подростка // Гео-Сибирь. 2009. № 6. С. 270–272.
16. Токарева Е.Н. Особенности развития общения ребенка раннего возраста со взрослым // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. Новосибирск. 2011. № 20. С. 157–161.
17. Шведовская А.А. Специфика позиции родителей при различных типах взаимодействия с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Психологическая наука и образование. 2006. № 1. С. 69–84.
18. Ширяева О.А. Особенности эмоционального взаимодействия часто болеющих и здоровых детей раннего возраста с родителями // Вестник Красноярского государственного университета им. В.В. Астафьева. 2014. Т. 29. № 3. С. 209–214.
19. Шихирина Н.Д. Психологические особенности эмоционального отношения матерей к детям раннего возраста в условиях функционирования детско-родительских групп // Материалы Всероссийской очно-заочной научно-практической конференции, посвященной 140-летию педагогического образования в г. Череповце «Педагогическое образование: история (традиции, опыт) и современность» (г. Череповец, 01-02 июня 2016 г.). Череповец: ЧПУ, 2016. С. 172–176.
20. Copeland C.J. Do parents matter? Parental attachment and its effect on becoming independent in emerging adulthood. Ph. D. diss. Portland, 2010. 66 p.
21. Schwarz B. et al. Adult parent-child relationships: Relationship quality, support, and reciprocity // Applied Psychology: An International Review. 2005. Vol. 54(3). P. 396–417. DOI:10.1111/j.1464-0597.2005.00217.x

References

1. Dityuk A.A. Vliyanie psihologicheskoy separacii na social'nyuyu adaptaciyu lichnosti [Influence of psychological separation on social adaptation of the individual. Ph. D. psychol. sciences]. Saint-Petersburg, 2018. 172 p. (In Russ.).
2. Egorov R.N. Diagnostika roditel'skoi pozitsii po otnosheniyu k vzroslym detyam: razrabotka oprosnika [Diagnostics of parental position towards adult children: development of a questionnaire]. *Prakticheskaya studencheskaya konferentsiya «Shkola otvetstvennogo roditel'stva»* [Practical Student Conference "School of Responsible Parenthood"]. Moscow, 2017, pp. 66–70. (In Russ.).
3. Zhigalin S.S. Formirovanie adekvatnykh roditel'skikh pozitsii kak sposob korrektsii vospitatel'noi praktiki sem'i podrostka: diss. kand. psikholog. nauk [Formation of adequate parental positions as a way of correcting the educational practice of the family of a teenager. Ph. D. psychol. sciences]. Kurgan, 2004. 233 p. (In Russ.).
4. Zakharova E.I. Razvitiye lichnosti v khode osvoeniya roditel'skoi pozitsii [Personality development during the development of the parental position]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-historical psychology*, 2008. Vol. 2, pp. 24–29. (In Russ.).
5. Ivanova E.E., Storozheva Yu.A. Fenomen otchuzhdennosti v detsko-roditel'skikh otnosheniyah [The phenomenon of alienation in child-parent relationships]. *Vestnik GUU = SUM Bulletin*, 2019. Vol. 9, pp. 190–195. (In Russ.).
6. Kalinina P.P., Saneva R.I. Diagnostika roditel'skoi pozitsii [Diagnostics of parental position]. In Barilova E.E. (eds.) *Sbornik nauchnykh statei prepodavatelei Pskovskogo Vol'nogo instituta* [Collection of scientific articles of teachers of the Pskov Free Institute]. Pskov, 2004, pp. 54–60. (In Russ.).
7. Karabanova O.A. Psikhologiya semeinykh otnoshenii i osnovy semeinogo konsul'tirovaniya [Psychology of family relations and the basics of family counseling]. Moscow: Gardariki, 2005. 320 p. (In Russ.).
8. Karabanova O.A. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor professional'nogo samoopredeleniya lichnosti v podrostkovom i yunosheskom vozraste [Parent-child relationships as a factor in the professional self-determination of the individual in adolescence and youth]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 14: Psychology], 2016. Vol. 3, pp. 54–62. (In Russ.).
9. Krapivina E.A., Dalgatov M.M. Detsko-roditel'skie otnosheniya kak faktor psihologicheskogo zdorov'ya v podrostkovom vozraste [Parent-child relationships as a factor of psychological health in adolescence]. In *Sbornik statei po materialam XXIV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Nauchnyi forum: Pedagogika i psikhologiya"* (g. Moskva, 03-13 dekabrya 2018 g.) [Collection of articles based on the materials of the XXIV International Scientific and Practical Conference "Scientific Forum: Pedagogy and Psychology"]. Moscow: International center of science and education, 2018, pp. 53–60. (In Russ.).
10. Golovei L.A. et al. K probleme differentsiatsii osnovnykh ponyatii v sisteme otnoshenii «Roditel'-rebenok»: teoreticheskii i empiricheskii aspekty [On the problem of differentiation of basic concepts in the Parent-Child relationship system: theoretical and empirical aspects]. *Vestnik SPbGU. Seriya 12. Sotsiologiya* [Bulletin of St. Petersburg State University. Series 12. Sociology]. Saint-Petersburg, 2014. Vol. 2, pp. 84–94. (In Russ.).
11. Malenova A.Yu., Potapova Yu.V. Zrelost' lichnosti i ee kriterii kak prediktory izucheniya

situatsii separatsii [Personality maturity and its criteria as predictors of studying the situation of separation]. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Psikhologiya»* [Omsk University Bulletin. Series "Psychology"]. Omsk, 2015. Vol. 2, pp. 21–29. (In Russ.).

12. Ovcharova R.V. Roditel'stvo kak psikhologicheskii fenomen: uchebnoe posobie [Parenthood as a psychological phenomenon]. Moscow: Publ. MPSI, 2006. 496 p. (In Russ.).

13. Ryabikina Z.I., Hozyainova P.M. Semejnye cennosti zhenshchiny-materi, vospityvayushchej rebenka v nepolnoj sem'e [Elektronnyi resurs]. *Vestnik MGOU = MRSU Bulletin*, 2018. Vol. 2, pp. 291–306. DOI:10.18384/2224-0209-2018-2-886 (In Russ., abstr. in Engl.).

14. Syt'ko T.I. Struktura i tipy roditel'sko-detskikh otnoshenii v protsesse semeinoi separatsii: diss. kand. psikhol. nauk [The structure and types of parent-child relationships in the process of family separation. PhD psychol. sciences]. Moscow, 2014. 213 p. (In Russ.).

15. Tachkova M.B. Rol' sem'i v zhizni podrostka [The role of the family in the life of a teenager]. *Geo-Sibir' = Geo-Siberia*, 2009. Vol. 6, pp. 270–272. (In Russ.).

16. Tokareva E.N. Osobennosti razvitiya obshcheniya rebenka rannego vozrasta so vzroslym [Features of the development of communication of a young child with an adult]. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and Pedagogy: methods and problems of practical application]. Novosibirsk, 2011. Vol. 20, pp. 157–161. (In Russ.).

17. Shvedovskaya A.A. Spetsifika pozitsii roditel'ei pri razlichnykh tipakh vzaimodeistviya s det'mi doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta [The specifics of the position of parents in various types of interaction with children of preschool and primary school age]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2006. Vol. 1, pp. 69–84. (In Russ.).

18. Shiryayeva O.A. Osobennosti emotsional'nogo vzaimodeistviya chasto boleyushchikh i zdorovykh detei rannego vozrasta s roditelyami [Features of the emotional interaction of frequently ill and healthy young children with their parents]. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo universiteta im. V.V. Astaf'eva* [Bulletin of the Krasnoyarsk State University]. Krasnoyarsk, 2014. Vol. 3, no. 29, pp. 209–214. (In Russ.).

19. Shikhirina N.D. Psikhologicheskie osobennosti emotsional'nogo otnosheniya materei k detyam rannego vozrasta v usloviyakh funktsionirovaniya detsko-roditel'skikh grupp [Psychological features of the emotional attitude of mothers to young children in terms of the functioning of parent-child groups]. In *Materialy Vserossiiskoi ochno-zaochnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchennoi 140-letiyu pedagogicheskogo obrazovaniya v g. Cherepovtse «Pedagogicheskoe obrazovanie: istoriya (traditsii, opyt) i sovremennost'»* (g. Cherepovets, 01-02 iyunya 2016 g.) [Proceedings of the All-Russian part-time scientific and practical conference dedicated to the 140th anniversary of teacher education in the city of Cherepovets "Pedagogical education: history (tradition, experience) and modernity"]. Cherepovets: ChGU, 2016, pp. 172–176. (In Russ.).

20. Copeland C.J. Do parents matter? Parental attachment and its effect on becoming independent in emerging adulthood. Ph. D. diss. Portland, 2010. 66 p.

21. Schwarz Beata, et al. Adult parent-child relationships: Relationship quality, support, and reciprocity. *Applied Psychology: An International Review*, 2005. Vol. 54, no. 3, pp. 396–417. DOI:10.1111/j.1464-0597.2005.00217.x

Егоров Р.Н., Шаповаленко И.В.
Родительская позиция по отношению к взрослым
детям: разработка и апробация методики
Психолого-педагогические исследования 2020. Том
12. № 4. С. 66–87.

Egorov R.N., Shapovalenko I.V.
Parental Position towards Adult Children: Development
and Approbation of Method
Psychological-Educational Studies 2020. Vol. 12, no. 4,
pp. 66–87.

Информация об авторах

Егоров Роман Николаевич, соискатель кафедры возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6212-9289>, e-mail: roego@yandex.ru

Шаповаленко Ирина Владимировна, кандидат психологических наук, заведующая кафедрой возрастной психологии имени профессора Л.Ф. Обуховой, ФГБОУ ВО «Московский государственный психолого-педагогический университет» (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: irin_vlad@mail.ru

Information about the authors

Roman N. Egorov, Applicant (PhD), Department of Age psychology named after Professor L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6212-9289>, e-mail: roego@yandex.ru

Irina V. Shapovalenko, PhD (Psychology), Head of Department of Age psychology named after Professor L.F. Obukhova, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-3845-3473>, e-mail: irin_vlad@mail.ru

Получена 24.06.2019
Принята в печать 30.12.2020

Received 24.06.2019
Accepted 30.12.2020